

С. Н. КИСТЕРЕВ

Вопросы изучения рукописного наследия Ефросина Белозерского

Без малого полвека назад появилась статья Я. С. Лурье, превратившая малоизвестного до той поры инок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина в одну из ключевых фигур книжной культуры второй половины XV столетия.¹ За прошедшие десятилетия библиография работ, касающихся творчества книгописца, значительно выросла, и поток новых публикаций не иссякает.²

Такой интерес, уделяемый исследователями трудам Ефросина, оправдан и вполне понятен. С одной стороны, некоторые литературные памятники содержатся в составленных им сборниках в наиболее ранних из известных списков, подчас в оригинальных редакциях, с другой — перед глазами нечастый для русской письменной культуры пример принадлежности упоминаемому и в иных источниках лицу сразу нескольких манускриптов, что позволяет рассматривать творчество кирилловского монаха в соотнесении с отдельными этапами его жизни, т. е. в некоторой степени «исторически».

Тематика исследований на протяжении полутора столетий, минувших с того момента, как сборники Ефросина оказались введены в научный оборот, претерпела существенные изменения.³ Если более столетия назад исследователи главным образом черпали из рукописей старца отдельные тексты привлекавших их внимание памятников, то уже в конце 50-х гг. прошлого века объектом изучения стал сам владелец сборников. В итоге появились общий очерк деятельности Ефросина как книжника и подробное описание созданных им и сохранившихся рукописей, ставшие базой для всех дальнейших изысканий в этой области.⁴

Сказанное вовсе не означает, что сделанное ранее не подлежит критическому анализу и пересмотру в отношении некоторых постулатов. В ча-

¹ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV века // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 130--168.

² Наиболее полно библиография до середины 80-х гг. XX в. представлена в авторитетном справочном издании: Словарь книжников. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 236.

³ Общий очерк историографии см.: Кистерев С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии // Очерки феодальной России. М., 1997. Вып. 1. С. 65--79.

⁴ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 42--88; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3--300.

стности, в свое время Я. С. Лурье полагал, что сборники Ефросина являются результатом коллективного труда целого скриптория, и отрицал для ряда из них характер конволютов.⁵ Последующие исследования показали достаточно сложный в кодикологическом отношении состав, по меньшей мере двух из них — РНБ, Кир.-Бел. 6/1083 (далее — КБ-6) и 9/1086 (далее — КБ-9).⁶ Не подлежит сомнению, что конволютами являются и некоторые другие рукописи Ефросина. В связи с этим необходимо продолжить их изучение, начиная с наиболее ранней — РНБ, Кир.-Бел. 53/1130 (далее — КБ-53).⁷ Важность исследования именно этого манускрипта обусловлена еще и тем обстоятельством, что это первая рукопись, в работе над которой в 1463 г. Ефросин собственноручно засвидетельствовал личное участие, отчего она становится эталонной для любых палеографических изысканий, основывающихся на анализе почерков, встречающихся в сборниках кирилловского старца.

Одну из наибольших трудностей при изучении наследия книжника представляет отмечаемая исследователями вариативность его письма, часто наблюдающаяся в одной и той же рукописи. В связи с этим возникает опасность приписывания Ефросину текстов, принадлежащих руке иного автора.

Для примера обратимся к фрагменту все того же сборника КБ-53. Составитель подробного описания этой рукописи М. В. Рождественская указала, что на л. 272 об.—274 почерком, обозначенным ею как «IV», написано Слово «В неделю 2-ю поучение о Иосифе и о мироносицах», а на л. 274—275 об. рукой Ефросина — текст о праздновании в первую неделю после Пасхи. Далее на л. 275 об.—280 об. Ефросин писал тексты на 2—3 недели по Пасхе, а почерком «VI» на л. 280 об.—286 написан текст на среду 4 недели по Пасхе. Тексты Синоксаря, принадлежащие VI почерку, на л. 290 продолжены IV почерком, который на л. 300 сменяется почерком Ефросина.⁸ На л. 300 действительно начинается почерк Ефросина, но на предшествующих л. 258—300, возьмем на себя смелость утверждать это, тексты написаны одной рукой IV писца, хотя и с вариациями. Тем самым из числа переписанных Ефросином текстов следует исключить фрагменты, расположенные на л. 274—280 об. в КБ-53, а почерки IV и VI в этой рукописи атрибутировать одному человеку. Следовательно, в КБ-53 помимо Апокалипсиса на л. 130—155 об., сопровождаемого пометой Ефросина, им был написан лишь текст на л. 300—317.

⁵ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 132.

⁶ Кистерев С. Н. 1) Кодикологические наблюдения над ефросиновским сборником с «Задонщиной» // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 209—216; 2) Из наблюдений над сборниками белозерского писца Ефросина // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 176—192.

⁷ В Описи монастырской библиотеки рукопись описана как «сборник Игнатия» (Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. 174—176; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 196—215.

⁸ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 205—209.

Другим примером необоснованной атрибуции Ефросину содержащихся в его сборниках фрагментов чужих рукописей является начальная часть сборника РНБ, Кир.-Бел. 22/1099 (далее — КБ-22), принадлежность которого Ефросину была обоснована Я. С. Лурье.⁹ Манускрипт, разделенный П. М. Строевым между КБ-22 (л. 14 об.) и искусственно составленным археографом конволютом РНБ, Погод. 1554 (л. 11—15),¹⁰ включает в себя тексты историографического характера — «Летописец вскоре» патриарха Никифора,¹¹ летописные заметки о татарских набегах на Русь,¹² а также «Русский летописец».

Согласно Я. С. Лурье и М. Д. Каган, текст «Русского летописца», как и предшествующие и последующие ему в составе КБ-22 тексты, писан рукой самого Ефросина.¹³ А. Г. Бобров увидел в «Русском летописце» «единственный целостный летописный памятник, дошедший до нас в автографе Ефросина».¹⁴ Он выделяет л. 1—46 КБ-22 в качестве особой части и по наличию водяных знаков «Лошадь», «Ножницы», «Зубр» и «Голова быка с крестом между рогами» датирует ее первой половиной 60-х гг. XV в., а точнее — близким к 1463 г. временем, поскольку в КБ-53 на листах с текстом Апокалипсиса также наличествует филигрань «Лошадь».¹⁵

Однако заново проведенное сличение почерков Апокалипсиса в составе КБ-53 и первой части КБ-22 (с учетом соответствующих листов Погод. 1554) показывает, что основные тексты исторических сочинений — «Летописца вскоре» и «Русского летописца» — в последних двух рукописях написаны рукой неизвестного книжника, тогда как Ефросину принадлежат лишь некоторые из сделанных между строк дополнений и текст на вставном листе, восполняющем утраченную по какой-то причине часть Летописца патриарха Никифора.¹⁶ Вкупе с результатами текстологиче-

⁹ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 132—138.

¹⁰ Факт былого единства текстов в двух рукописях был установлен Р. П. Дмитриевой (Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.: Л., 1966. С. 251). Текст летописца опубли.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М.: Л., 1950. Т. 5. С. 22—27; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 11.

¹¹ РНБ, Кир.-Бел. 22/1099, л. 5 об. —14. Краткую характеристику Летописца патриарха Никифора в составе сборника Ефросина см.: Пиотровская Е. К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // Православный палестинский сборник. СПб., 1998. Вып. 97 (34). С. 36.

¹² РНБ, Кир.-Бел. 22/1099, л. 435—435 об.

¹³ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 132—133; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 8.

¹⁴ Бобров А. Г. Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 137. Указание филиграней рукописей см.: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 7—8, 196—197.

¹⁶ Почерк, которым написаны «Летописец вскоре» и «Русский летописец» в КБ-22 и Погод. 1554, весьма схож с почерком на л. 218 об. —219 в КБ-53. Примечательно, что этим же почерком в КБ-53 на л. 257—257 об. написано Толкование на уподобление Царства небесного 10 девам, частично читающееся в начале КБ-22 (Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 10, 205). Ранее Я. С. Лурье считал, что

ского сравнения «Русского летописца» и опубликованного А. Н. Насоновым «Летописца русского»¹⁷ палеографические данные вынуждают отказаться и от гипотезы об авторстве Ефросина в отношении первого из названных произведений.¹⁸

Поскольку атрибуция Ефросину основного почерка в начальной части КБ-22 теперь отрицается, необходимо заново проанализировать возможность принадлежности его же руке многих других частей той же рукописи.¹⁹

Полученные новые палеографические данные, позволяющие выделить по особенностям почерка некоторые тексты, ранее приписывавшиеся Ефросину, заставляют по-новому взглянуть и на состав уже проанализированных сборников КБ-6 и КБ-9. Исходя из тех же оснований, необходимо задаться вопросом о времени совмещения фрагментов чужих рукописей в сборниках Ефросина в том виде, как они ныне известны исследователям. Наконец, выделение отдельных разновременных частей ефросиновских манускриптов даст возможность в дальнейшем попытаться реконструировать их первоначальный вид, существовавший до того момента, как сам книжник или, быть может, кто-то из его последователей привел их в нынешнее состояние.

Одним из значительных итогов деятельности современных археографов стало изменение состава рукописей, авторство которых приписывается Ефросину. В первую очередь отметим уменьшение их числа за счет одного из документальных памятников.

Еще Я. С. Лурье обратил внимание на недатированную в тексте, сохранившуюся в подлиннике данную грамоту Ивана Ирежского Троице-Сергиеву монастырю, написанную рукой некоего игумена Ефросина.²⁰ Проведя специальное исследование почерка документа, сравнив его с почерком Ефросина Белозерского и придя к выводу об их тождественности, т. е. принадлежности грамоты руке кирилловского книжника, Лурье, опираясь на запись в рукописи РНБ, Кир.-Бел. 11/1088 (далее — КБ-11) об отъезде Ефросина на игуменство зимой 1477/78 г., датировал документ этим временем и заключил, что белозерский поп покинул свой монастырь для занятия поста игумена в Прилуцком Рождественском монастыре, подведомственном Троице-Сергиеву.²¹ Впоследствии мнение исследователя вызвало обоснованные возражения М. А. Шибаева, заново сопоставившего известный по рукописям почерк Ефросина Белозерского с почерком писца данной Ивана Ирежского и в итоге отвергнувшего тождествен-

текст на л. 195 об. — 318 КБ-53 также написан Ефросином (*Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 139. Примеч. 45).

¹⁷ *Насонов А. Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // *Материалы по истории СССР.* М., 1955. Вып. 2. С. 284—321.

¹⁸ *Кистерев С. Н.* Ефросин и «Роуский летописец» // *Летописи и хроники: Новые исследования.* 2008. М.: СПб., 2008. С. 97—117.

¹⁹ Оговоримся, что, по предварительным данным, почерк, которым написаны «Летописец вскор» и «Русский летописец», наблюдается в КБ-22 на л. 88—106 об., 115—182 об.

²⁰ РГАДА. ф. 281. ГКЭ по Угличу. № 12841; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 163. № 229.

²¹ *Лурье Я. С.* Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец // *ТОДРЛ.* Л., 1988. Т. 41. С. 348—354.

ность этих почерков.²² Таким образом, из состава рукописного наследия белозерского писца оказался выведен единственный памятник документального характера.

В свое время Н. К. Никольский, исходя из упоминания в описи библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, составленной в 80-х гг. XV в., после трех «Ефросиновых» сборников некоего потребника и наличия в сборнике КБ-6 большого количества написанных Ефросином молитв, отождествил КБ-6 с этим потребником.²³ Уже отмечалось, что сам формуляр записи — «Ефросиновых три сборники. Да потребникъ» — не позволяет утверждать принадлежность упомянутого потребника перу Ефросина.²⁴ Очень многие книги в библиотечной описи названы с употреблением союза-частицы «да»: сразу же за потребником значится «да Игнатъя Матфеева три сборники... Да Семена Новыя Богослова два... Да Хождение Иваново съ апокалипси...», а до того «да Федор Едески в полдестъ... Да Лука толковой в полдестъ».²⁵ Тем самым выражение «да потребникъ» не обязательно означает, что он тоже «Ефросинов».

Вместе с тем в последние годы происходило не только сокращение числа автографов Ефросина. Благодаря трудам М. А. Шибаева и А. Г. Боброва оно значительно увеличилось. Стали известны новые тексты, переписанные им, открыто множество принадлежащих его руке помет на книгах из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.²⁶ В распоряжении исследователей оказалась и новая датированная запись книгописца, причем наиболее поздняя — 1500 г.: «В лето 7008 фев(раля) 8 в соуб(боту) почато писати».²⁷ Все это существенно расширяет круг источников о жизни и деятельности кирилловского попа.

Скудные данные о биографии Ефросина постоянно привлекают внимание исследователей, и именно в этой области наблюдаются самые серьезные разногласия за счет несходства мнений ученых в интерпретации тех или иных известий.

Последнее не относится к высказанному А. Г. Бобровым предположению о тождестве Ефросина и сына князя Дмитрия Шемяки Ивана.²⁸ Это была

²² Шибаев М. А. Загадки биографии инока Ефросина — книжника Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XV в. // История и культура. Актуальные проблемы. СПб., 2005. С. 90—91.

²³ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... С. XLIV, 8.

²⁴ Кистерев С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии. С. 66—67.

²⁵ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... С. 6, 8.

²⁶ Шибаев М. А. О новом автографе монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 208—222. Ныне речь идет о двух десятках рукописей с пометами: Шибаев М. А. Кодикологическое исследование рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в.: Итоги и перспективы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 128.

²⁷ Бобров А. Г. Ефросин Белозерский как историограф. С. 134—135. Автограф содержится в рукописи РНБ, Соф. 1462, л. 98—112. Описание рукописи см.: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 259—263.

²⁸ Бобров А. Г. Попытка одного отождествления (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 2. М., 2003. С. 272—277.

увлекательная, авантюрная догадка, по достоинству и весьма аргументированно отвергнутая.²⁹ Речь, разумеется, идет о тех гипотезах, которые так или иначе опираются на показания наличествующего фонда источников.

Изучивший большое количество помет Ефросина на книгах из собрания Кирилло-Белозерского монастыря М. А. Шибаев отметил, что монах «обладал свободным доступом к библиотеке всего монастыря и имел полномочия вносить свои редакторские исправления в книги».³⁰ Исследователем высказывается даже мысль о том, что Ефросин чуть ли не руководил составлением Описи монастырской библиотеки в 80-х гг. XV в., с чем и связано появление какой-то части выделенных им помет на книгах.³¹ Думается все же, что отмеченные дополнения и исправления в богослужебных книгах возникли в связи с осуществлением Ефросином своих прямых обязанностей священника и были санкционированы высшей монастырской властью, о чем писал сам же Шибаев.³² Факт участия Ефросина в составлении библиотечной описи нуждается в серьезных доказательствах, каковых пока не найдено.

Зимой 1477/78 г., согласно помете самого Ефросина, он «на игуменство поехал».³³ Как уже отмечалось, Я. С. Лурье в качестве места игуменства книжника указывал Прилуцкий Рождественский монастырь, но от такой версии ныне приходится отказаться.

Е. Э. Шевченко полагает, что Ефросин был игуменом Ферапонтова монастыря, основания для чего усматриваются в упоминании ферапонтовским синодиком игумена Ефросина и помете в КБ-6 на л. 117 — «июня 3 ис Пролога в Фарафонтове писано», при этом сам сборник датировался 80-ми гг. XV в.³⁴ Однако ефросиновская помета не может рассматриваться как аргумент в пользу тезиса о его игуменстве в Ферапонтове, поскольку часть КБ-6, включающая л. 117, была написана еще в первой половине 70-х гг. XV в. Ссылка Е. Э. Шевченко на использование Ефросином рукописей Мартиниана³⁵ не имеет существенного значения, так как текст «Епистолии на римляны», читающийся в КБ-53 и, по ее мнению, переписанный туда из мартиниановского сборника РНБ, Кир.-Бел. 19/1096, принадлежит руке другого писца, а не Ефросина,³⁶ а сам сборник был собственностью кирилловского игумена Игнатия.

Не видя пока достаточно аргументов в пользу ферапонтовской версии в истории с игуменством Ефросина, заметим, со своей стороны, что

²⁹ Шибаев М. А. Загадки биографии инока Ефросина... С. 86—89.

³⁰ Там же. С. 91.

³¹ Шибаев М. А. Принципы составления описей книг Кирилло-Белозерского монастыря в конце XV в. // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе. СПб., 2007. С. 46—48.

³² Шибаев М. А. Загадки биографии инока Ефросина... С. 91.

³³ Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 178.

³⁴ Там же. С. 155; Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Ферапонтов монастыри) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 297—298.

³⁵ Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан. С. 297.

³⁶ Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 212; Кистерев С. Н. Ефросин Белозерский в отечественной историографии. С. 76.

выражение книгописца «на игуменство поехалъ» еще не означает с неизбежностью, что он искомое игуменство обрел. Вполне возможно, что, предполагая занять пост игумена в одном из монастырей, Ефросин не достиг желаемого. Нужно обратить внимание на то, что в пометах Ефросина часто отражается его положение в церковной иерархии: он последовательно во времени указывает свой статус инока и попа. В монастырском актовом материале он выступает, например, как крилошанин. Однако в манускриптах кирилловского старца нет ни одной записи, из которой бы явствовало, что он стал игуменом. Причем это относится и к периоду до 1477 г., и ко времени конца 1480-х гг., когда появлялись тексты в сборнике КБ-11. Стараться стать игуменом, отправиться ради этого в путешествие — еще не означает получить эту степень в действительности. На то же намекает и формулировка Ефросина: «поехалъ», но не ожидаемое «поставлен». Может быть, в этом и кроется разгадка игуменства Ефросина.

Еще один крайне важный предмет споров среди исследователей биографии Ефросина — его пребывание за пределами Кирилловой обители. Выше уже приводилась помета, свидетельствующая о более или менее краткосрочном пребывании монаха в Ферапонтове монастыре, однако речь идет о дальних отлучках с Белоозера.

Сан священника предполагал рукоположение, предусмотренный канонами ритуал, совершаемый епископом. В те времена, когда Ефросин стал известен как поп, ростовским архиепископом был Вассиан Рыло, активный церковный и политический деятель эпохи правления Ивана III. Получил ли Ефросин свой сан во время визита Вассиана в Кириллов монастырь или должен был оставить монастырские стены и отправиться в Ростов или еще далее — в Москву? В значительной мере от ответа на этот вопрос может зависеть и решение проблемы доступности Ефросину тех или иных текстов, сохранившихся в его сборниках в самых ранних списках и версиях.

Наше предположение о пребывании Ефросина в Москве в 1476 г., базирующееся, помимо прочего, на совпадении даты продолжения им переписки Торжественника и появления в Кириллове монастыре нового игумена Нифонта, а также на наличии некоторых оснований подозревать посещение белозерским старцем Троице-Сергиева монастыря,³⁷ вызвало возражения М. А. Шибаева, ставящего на место Троицы Ферапонтов монастырь, основанием для чего послужило сопоставление помет в КБ-6 на л. 78 об. о написании текста 10 апреля 1476 г. и на л. 118 об. о работе в Ферапонтове. При этом сам Шибаев признает, что первая из помет может относиться только к л. 59—78, отличающимся наличием бумаги со знаком «Корона II Б».³⁸ Ранее мы старались показать, что л. 3—14 + 19—78 и л. 79—88 + 93—118 + 121—146 + 196—209 некогда принадлежали к двум разным рукописям, 10 апреля 1476 г. соединенным вместе, причем вторая

³⁷ Кистерев С. Н. Круг знакомств Ефросина Белоозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 72—73.

³⁸ Шибаев М. А. Списки Софийской I летописи Младшей редакции и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 110.

из них датировалась рубежом 60—70-х гг. XV в.³⁹ Если этот вывод верен, то листы с пометой о написании в Ферапонтове хронологически предшествуют листам с пометой 10 апреля 1476 г., т. е. в Ферапонтове Ефросин находился значительно ранее весны этого года.

С пребыванием в Троице (или в Москве) в 1476 г. мы связывали работу Ефросина над текстами, размещенными на л. 1—225 сборника КБ-9.⁴⁰ Основанием датировки послужила помета на л. 138: «В лето 6984 сеп. 18 в нед. пичах писати».⁴¹ М. А. Шибаев отметил, что проверка даты показывает, что воскресенье приходилось на 18 сентября 1474 г., а не следующего, 1475 г.⁴² Стоит заметить, что человеку вообще легче допустить ошибку в дне недели или числе месяца, чем в годе. Монах, священник, каковым был Ефросин, вряд ли мог ошибиться в дне недели, к которому были приурочены те или иные церковные службы. Более вероятна ошибка в числе дня, и, следовательно, допустимо предполагать правильным вместо «18» — «16». Запись о времени работы читается на л. 138, начало же текста Странника игумена Даниила помещено на л. 135 об., а еще ранее — на л. 130 об.—135 об. — расположена отдельно выписанная одна из глав того же Странника. Таким образом, можно полагать, что помета Ефросина сделана позднее по памяти, и, верно указав год, месяц и день недели, он ошибся в числе этого дня, написав вместо правильного «16» неверное в данном случае «18», которое на самом деле соответствовало числу дня, когда он делал отметку, что позволяет вернуться к дате 1475 г.

М. А. Шибаев отмечает, что в сборнике КБ-9 часть текстов в блоке л. 1—225 переписана на бумаге с филигранью «Петух».⁴³ На такой же бумаге, по его наблюдениям, частично написан Толстовский список Софийской I летописи, что послужило основанием для гипотезы о возникновении этого списка в стенах Кирилло-Белозерского монастыря.⁴⁴ Однако необходимо обратить внимание на то, что филигрань «Петух» двух видов, по данным Шибаева, часто встречаясь в КБ-9 на пространстве л. 60—144, просматривается в КБ-22 только на л. 108, 113 и 114. Обращение к этой рукописи Ефросина показывает, что л. 107—114 являются вставной в более обширном блоке л. 104—122 тетрадь, подклеенной к остаткам листа, вырванного после л. 106. Середина этого блока — л. 116 и 117. При этом только л. 107—114 об. написаны рукой Ефросина, в то время как предшествующие им и последующие страницы рукописи заполнены иным почер-

³⁹ Кистерев С. Н. Из наблюдений над сборниками белозерского писца Ефросина. С. 184—189.

⁴⁰ Кистерев С. Н. Кодикологические наблюдения над ефросиновским сборником с «Задонщиной». С. 215—216.

⁴¹ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 106.

⁴² Шибаев М. А. Списки Софийской I летописи... С. 108. Мнение М. А. Шибаева принимает А. Г. Бобров (*Бобров А. Г.* По поводу статьи М. А. Салминой «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения „Сказания о Мамаевом побоище“» // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 967).

⁴³ Шибаев М. А. Списки Софийской I летописи... С. 104.

⁴⁴ Шибаев М. А. К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской I летописи и сборников Ефросина // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 200—207.

ком. Таким образом, значительная часть КБ-22 позаимствована Ефросином для своего сборника из другого манускрипта, и ничто не указывает на то, что заимствование произошло в Кириллово монастыре. С равным успехом можно допустить, что монах приобрел чужую рукопись где-то вдали от стен собственной обители вместе с некоторым количеством листов бумаги, используя ее затем при работе над л. 107—114 КБ-22 и первой частью КБ-9.

Заметим, что почерк л. 115—122 в КБ-22 наблюдается почти на всем пространстве вплоть до л. 182 об. В этой части сборника на л. 164—167 об. читается память Сергия Радонежского, к тексту которой сделаны многочисленные приписки историко-биографического характера. На л. 164 об. вертикально на левом поле дописан перечень троицких игуменов, заканчивающийся Авраамием, чье игуменство приходилось на 1475—1478 гг. Возможно поэтому думать, что Ефросин получил рукопись именно в Троице-Сергиевом монастыре в 1475—1476 гг., успев в это время ознакомиться с монастырской библиотекой, отметив наличие в ней трехсот книг и специально оговорив присутствие в их числе двух десятков служебников.⁴⁵

Остаются невыясненными обстоятельства жизни Ефросина в 80-х гг. XV в. Главный источник биографических сведений о нем — собственные его сборники — почти не содержат данных, позволяющих представить положение старца в церковной и книжной среде этого времени. Не упоминается его имя и в сохранившихся актовых материалах Кириллова монастыря. И все же положение не кажется безнадежным. В этой связи особое значение приобретает содержание рукописи КБ-11, до сих пор не подвергавшейся кодикологическому исследованию в необходимой мере.

Существующее подробное описание сборника в значительной мере облегчает задачу. Н. В. Поньрко отметила принадлежность руке Ефросина текстов на л. 20—387 об., 391—502 об., тогда как л. 7—18 об. и 389 написаны соответственно II и III почерками (принимая почерк Ефросина за I).⁴⁶ Таким образом, основная часть сборника создана самим Ефросином.

Начиная с л. 400 об. и до л. 488 об. в рукописи наблюдается сделанное Ефросином обозначение счета тетрадей на последней странице каждой из них. Это позволяет заключить, что данные листы КБ-11 когда-то принадлежали отдельной рукописи с фрагментами библейских книг, дополненных некоторыми другими текстами. Следовательно, в нынешнем составе КБ-11 можно выделить л. 391—502 об. как составляющие ранее единую отдельную рукопись.

На левом поле л. 297 об. читается помета «3», на л. 287 об. виден фрагмент срезанной цифры, вероятно «2», на л. 317 об. — «5», на л. 347 об. — «8», на л. 357 об. — «9», на 367 об. — «10». Этот счет отражает окончание тетрадей в книге с Палеей, которая и была ее началом. О том же свидетельствует и загрязненность свободного от текста л. 266 об., что дает основание считать его последним в некогда самостоятельной рукописи. Та-

⁴⁵ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 150.

⁴⁶ Там же. С. 173.

ким образом, л. 267—387 об., как и следующие в составе КБ-11 за ними, образовывали до создания сборника КБ-11 отдельную рукопись.

Выделение двух частей как самостоятельных рукописей само по себе дает основания для такого же суждения и о блоке л. 19—266 об. Однако для подобного вывода находятся и другие аргументы.

На левом поле л. 108 об. проставлена цифра «9» (частично срезана), а на л. 139 об. чернилами основного текста (т. е. Ефросином) написана цифра «12». Эта нумерация должна отражать нумерацию тетрадей текста Александрии. Если все тетради были по 10 листов, то начало текста должно приходиться на л. 19, на котором ныне находится цветная миниатюра с изображением Александра Македонского. Текст Александрии в КБ-11 не имеет начала и продолжен на л. 20 словами «красен и смирен, благонравен...». В списке БАН 17.8.2 утраченный в сборнике Ефросина текст занимает пространство, примерно равное одному листу у Ефросина.⁴⁷ Следовательно, можно полагать, что утрачен один лист с текстом Александрии, который в сборнике предшествовал л. 20, т. е. некогда был л. 19.

Нахождение пометы на л. 139 об. вместо ожидаемой листом ранее объясняется тем, что в рукопись был вставлен нынешний л. 127 с изображением Китовраса и экслибрисом Ефросина. Произошло смещение счета на 1 лист.

Наличие особого счета тетрадью, заполненных текстом Александрии, дает возможность считать все л. 19—266 об. первоначально составлявшими отдельную рукопись Ефросина, позднее включенную в КБ-11.

Л. 7—18 об., текст на которых писан II почерком, содержат послание Василия II в Царьград, адресованное вселенскому патриарху и датированное по упоминанию о прошествии 453 лет после крещения Руси 1441 г.⁴⁸ Они несколько меньшего формата, чем листы, писанные Ефросином, и имеют подклейку по нижнему полю. К сожалению, фрагментарность филиграней на этих листах рукописи не позволяет идентифицировать их с учтенными в альбомах и таким образом уточнить время написания этого фрагмента сборника. Тем не менее его можно считать извлеченным Ефросином из чужой рукописи и присоединенным к своей.

На л. 217 текст Повести о Дракуле завершается записью: «В лето 6994 февраля 13 преже писал таже в лето 6998 генваря 28 вдругое преписах аз грешны Ефросинъ». Опираясь на нее, стоит полагать, что работа над данной частью КБ-11 завершалась зимой 1490 г. и при этом была использована более ранняя рукопись самого Ефросина, отнесенная им к зиме 1486 г.

Повесть о Дракуле помещена после текста Сербской Александрии, первый лист которого утрачен, а его место занял нынешний л. 19 с миниатюрой, подписанный Ефросином: «В лето 7000-е октября 20 сии Алек-

⁴⁷ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.: Л., 1966. С. 7—8.

⁴⁸ Перечень списков этого послания см.: *Белякова Е. В.* Утверждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV—XVI ввек // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика / IX Междунар. семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29—31 мая 1989 г. М., 1995. С. 297—298; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 63—64.

сандрь написанъ бысть Ефремом Ефросину». ⁴⁹ Авторство миниатюры принадлежит Ефрему Требесу, монаху Кирилло-Белозерского монастыря, занимавшемуся иконописными работами и, как видно, уделявшему внимание и книжной миниатюре. ⁵⁰ Надпись Ефросина на л. 19 об. относит создание рисунка к 20 октября 1491 г., т. е. ко времени, более позднему, чем написание текста Повести о Дракуле, а значит, и Александрии.

Я. С. Лурье, считая КБ-11 единой рукописью, полагал, что рисунок Ефрема был сделан тогда, когда какая-то часть текста сборника уже была написана. Такой вывод основан на расхождении дат пометы Ефрема и записи Ефросина о переписке Повести о Дракуле. Исходя из этого, исследователь датировал весь сборник 1490—1491 гг. ⁵¹ Однако лист с изображением Александра вставлен в рукопись, объединяющую л. 20—266, и явно позднее написания ее текста. Текст Александрии, учитывая возможную скорость письма Ефросина, вероятно, следует относить даже к концу предыдущего года. ⁵² По этой причине означенную часть КБ-11 необходимо датировать 1489—началом 1490 г.

К сожалению, по меньшей мере пока не находится достаточных данных для датировки остальных двух частей, составляющих теперь КБ-11. Можно лишь предполагать более позднее по сравнению с первой частью того же сборника происхождение остальных его частей.

Содержание КБ-11, таким образом, позволяет частично представить круг интересов Ефросина в 80-е гг. XV в.: в середине десятилетия он имеет дело с текстом Повести о Дракуле, а в конце его — с Сербской Александрией, Сказанием об Индийском царстве и рядом других памятников.

Весьма важен вопрос о причине повторного обращения книжника к Повести о Дракуле. Здесь можно высказать кажущуюся нам достоверной догадку. Известно, что Ефросин переработал первоначальный состав своих сборников, формируя новые из разрозненных тетрадей, а то и отдельных групп листов прежних рукописей. Если предположить, что в процессе расчленения ранней рукописи листы с Повестью оказались в разрозненном состоянии, то вполне понятным станет желание владельца манускрипта иметь текст в удобочитаемом виде. Для этого ему достаточно было просто переписать текст в новую книгу, что он и сделал.

Крайне интересной кажется дальнейшая судьба ставшего ненужным протографа 1486 г. В связи с этим необходимо вспомнить наблюдения Я. С. Лурье, возведшего все известные к настоящему времени списки Повести к общему с КБ-11 протографу. Однако для КБ-11 таким протографом был список 1486 г., для которого мы предположили вероятность физического повреждения в ходе перестановок фрагментов при компоновке

⁴⁹ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 172.

⁵⁰ О нем см.: Соловьева И. Д. Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 271.

⁵¹ Лурье Я. С. Археографический обзор // Александрия. С. 187. К сожалению, эта датировка укоренилась в литературе: Ашцимова Т. В. Об источнике Ефросиновского хронографа (по списку 70--80-х гг. XV в. из собрания Г. Г. Юдина) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 98.

⁵² На протяжении текста Александрии можно заметить резкие смены цвета чернил, что свидетельствует о одновременности работы, по меньшей мере об использовании разных чернильниц.

современных сборников Ефросина. Следовательно, открывается возможность видеть в изменении структуры в Румянцевской редакции Повести результат простой путаницы листов малого формата. Предварительные подсчеты текстового пространства каждого смещенного эпизода Повести подтверждают допустимость такой путаницы.

Если сказанное верно, то можно думать, что рукопись Повести 1486 г. после использования ее при создании первой части КБ-11 «пошла по рукам» и в своем нормальном виде породила традицию Ефросиновской редакции, а со спутанными листами — Румянцевской.

Если опять же все это верно, то Ефросина следует признать автором письменного текста Повести о Дракуле, записавшим ее со слов участника русского посольства ко двору Матвея Корвина.

Разумеется, все рассуждения о процессе создания Повести носят предварительный характер и требуют более серьезной аргументации в свою пользу. Посему сейчас они высказываются в качестве догадки, определяющей пути дальнейших изысканий. Важно то, что давний вопрос о допустимости видеть в Ефросине автора литературных произведений, возможно, будет решен и таким образом.

Отдельной темой должно стать бытование сборников Ефросина в XVI—XVII вв. Необходимо заметить, что на л. 169 КБ-22 содержится написанное им изложение татарского счета, где числа от 30 до 60 дописаны кем-то позднее более крупным почерком и отличающимися по цвету, черными, чернилами.⁵³ Следовательно, можно думать, что пополнение записи произошло тогда, когда рукопись Ефросина из рук своего создателя перешла в состав монастырской библиотеки и стала доступна многим, в том числе и очередному «знатоку» татарского языка. Обращают на себя внимание и некоторые исправления, внесенные также черными чернилами и явно не Ефросином в текст «Русского летописца» в КБ-22: исправление даты крещения Владимира I и количества лет от этого события до кончины великого князя.⁵⁴

Выше уже упоминалась выявленная А. Г. Бобровым рукопись Ефросина в составе РНБ, Соф. 1462. Особый интерес она вызывает тем, что сам сборник был составлен из разнородных материалов в 30-х гг. XVI в., т. е. спустя значительное время после смерти Ефросина, случившейся между сентябрем 1511 г. и ноябрем 1514 г.⁵⁵ Полтора десятка листов, написанных в 1500 г., были использованы последователем кирилловского книжника, заполнившим оставшиеся после Ефросина свободными последние полторы страницы росписью лет жизни и деяний ветхозаветных персонажей.⁵⁶

⁵³ Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. ... С. 49.

⁵⁴ Кистерев С. Н. Ефросин и «Роуский летописец». С. 118.

⁵⁵ Этим временем А. И. Плигузов датировал изготовление переплета рукописи (Плигузов А. И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 96). О дате смерти Ефросина см.: Соловьева И. Д. Книжник и иконописец Ефрем... С. 271.

⁵⁶ РНБ. Софийское собр., 1462. л. 112--112 об. О деятельности этого книжника см.: Поньркова О. Л. Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники: Новые исследования. 2008. М.: СПб., 2008. С. 187-194.

Сказанное, на наш взгляд, подтверждает то мнение, что исследование сборников Ефросина как со стороны палеографо-кодикологического их анализа, так и со стороны содержания в будущем окажет решающее влияние на изучение проблем происхождения текстов многих историко-литературных памятников. Как отмечено выше, это относится к истории русского летописания на примере Софийской I летописи или читающегося в КБ-22 «Роуского летописца», древнейшего и во многом уникального списка «Задонщины» в КБ-9, Сербской Александрии и Повести о Дракуле в КБ-11. Прояснение их истории будет во многом зависеть от успешной работы по восстановлению первоначального облика сборников самого кирилловского книгописца, а также рукописей, использованных им для включения в эти сборники, от возможно более подробного выяснения биографии и методов работы белозерского черного попа, его ближайшего окружения, среди которого в разные периоды жизни Ефросина находились многие известные персонажи русской истории второй половины XV в. Разрешение старых проблем неминуемо откроет новые перспективы, о которых теперь можно лишь догадываться.